

Г. ТАМАРИНА

Дыжик
и
Стожик

10 к.

Класс 7 к.

Серый вол

I

Он оказался не таким уж серым, этот маленький Серый Вол. Шерсть у него — короткая и блестящая — скорее всего стального цвета с голубоватым отливом. Но он очень некрасив, бедняжка: сам толстый, а ноги тоненькие; хвост, как веревочка, с метёлкой на конце. Ростом он чуть побольше ослика; голова маленькая, рогов совсем нет—только две большие шишки на лбу.

Зато морда у него такая добродушная. Глаза большие и ласковые, губы теплые и мягкие, а нос гладкий, будто шёлковый. Недаром проказница Мастура норовит его поцеловать в самый нос. Поцелует и громко смеётся, потому что Серый Вол недовольно вертит головой и чихает.

Смеётся Мастура, а вместе с ней смеются и старшая доярка Елизавета Григорьевна, и зоотехник Михаил Андреевич, и скотник Алимбет.

Серый Вол просыпается раньше всех. Даже раньше, чем скотник Алимбет — весёлый и насмешливый парень. А уж кто не знает, что Алимбет приходит затемно в коровник. Ему нужно навести там порядок, задать животным корм до прихода доярок. И его уже ждёт у дверей, шумно посапывая, этот трудолюбивый Серый Вол.

Алимбет ласково похлопывает по шее своего помощника, заглядывает ему в глаза и весело говорит:

— Салам-алейкум, Серый Вол! Как здоровье, драгоценный четвероногий друг? Как спал-ночевал, почтенный Серый Вол?

Конечно, он не понимает, что ему говорит скотник Алимбет,— он ведь только животное, этот маленький Серый Вол. Он просто благодарен Алимбету за ласку и большим шершавым языком лижет парню руки. К тому же он еще и страшный хитрюга, этот Серый Вол. Он помнит, что в кармане у

Алимбета припрятано для него лакомство. Потому Серый Вол тычется носом в карман Алимбета.

Алимбет смеётся над хитростью Серого Вола. Потом даёт ему корочку хлеба или кусочек сахара и что-то говорит. Хорошо, что Серый Вол не понимает человеческой речи: он бы мог обидеться. Ведь Алимбет его при этом именует плутом и взяточником, лакомкой и хитрецом.

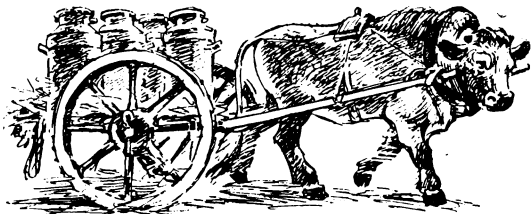
По утрам Алимбет впрягает Серого Вола в маленькую неуклюжую арбу. У арбы широкое дно и только два колеса, высоких и скрипучих. Но Серый Вол чувствует себя преотлично в упряже. Он целый день возит по ферме тележку и ничуть не огорчается, что она такая некрасивая и даже смешная.

Первым делом Алимбет чистит коровник. Серый Вол вывозит навоз. Скотник переходит из стойла в стойло, а умное животное шагает за ним следом. Когда арба наполнена доверху, Алимбет говорит:

— Поехали, Серый Вол...

Потом Серый Вол возит в коровник сено и жмых, отруби и барду, а Алимбет наполняет кормушки. И снова они переходят от стойла к стойлу. Серый Вол ставит арбу так, чтобы Алимбету было удобнее снимать корм.

Серый Вол еще возит молоко. Он отлично понимает, когда начинается дойка: догадывается по звону бидонов. Он терпеливо стоит у ворот коровника и ждёт, когда бидоны поставят на тележку. Ждёт спокойно, хотя знает, что предстоит несколько неприятных минут. Выбежит, сгибаясь под тяжестью ноши, Мастура, поставит молоко на арбу, а потом...

Потом Мастура схватит Серого Вола обеими руками за морду, крепко прижмёт к себе и чмокнет в самый нос. Забавно ей, видите ли, смотреть, как сердится и чихает животное. Но Серый Вол добр и незлобив. Он скоро прощает проказнице Мастуре, везёт её и Елизавету Григорьевну вместе с бидонами к сепараторной.

III

Серый Вол не любит лентяев, потому что сам много работает. Он никогда не забывает свои обязанности.

Ему, конечно, неизвестно, что в сепараторной снимают сливки с молока. Но он очень хорошо знает, что надо стоять на месте, пока шумит сепаратор. Потом еще надо подождать несколько минут. Снятое молоко опять перельют в бидоны, а бидоны поставят на тележку. Потом на неё взберётся Мастура, и Серый Вол зашагает к телятнику. Молочко нужно малышам на завтрак.

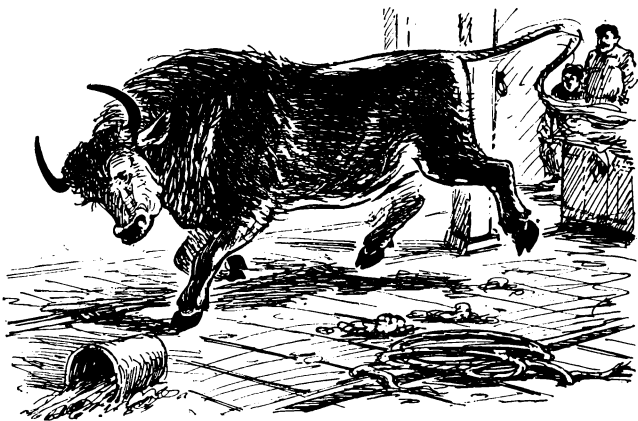
А Мастура частенько забывает про малышей. Уж больно любит поговорить эта болтушка. Особенно, когда попадёт в сепараторную да встретится со своей подружкой Бакиджан.

Тогда Серый Вол увозит арбу. Услышит Мастура грохот колёс, выбежит, а тележка уже далеко. Кричит Мастура, сердится:

— Серый Вол!.. Серый Вол!.. Вернись...

Но он и ухом не поведёт: уходит всё дальше и дальше от сепараторной. Делать нечего: приходится Мастуре нести тяжёлые бидоны до самого телятника.

— Противное животное,— говорит Мастура.— Такое противное...

Однажды Мастура пожаловалась Алимбету:

— Куда он торопится, этот глупый Серый Вол?

Алимбет серьёзно ответил:

— Серый Вол не любит лентяев. Он работает по расписанию.

Мастура обиделась на Алимбета.

— А ты забыл,— сказала она.— Забыл... Он тебя тоже наказал, этот противный Серый Вол.

IV

О!.. Алимбет никогда не забудет этого дня! Он тогда проспал и, придя к коровнику, не нашёл на месте Серого Вола.

«Может быть, он тоже проспал», — подумал с надеждой скотник и пошёл в конюшню. Но в стойле Серого Вола не оказалось.

Алимбет отправился на поиски. Люди говорили, будто видели животное у склада. На складе отвечали, что Серый Вол пошёл к телятнику... Часа три искал Алимбет «негодника». Так он назвал тогда своего четвероногого помощника. Даже грозился избить его, оттащить за уши.

И вдруг он увидел беглеца на выпасах, далеко от фермы. Серый Вол, словно телёнок, бегал по полю, задрал хвост, и, взбрыкивая ногами, бодал кустарник. Алимбет даже растерялся. Он ли это — исполнительный и верный помощник, Серый Вол? Еле-еле поймал его Алимбет.

Зоотехник Михаил Андреевич сказал тогда:

— Серый Вол не любит ленивых, Алимбет. Он тебя за опоздание наказал...

Алимбету от этих слов стало стыдно. И он больше никогда не опаздывает на работу.

V

Серый Вол был не только трудолюбив и умён. Он ещё оказался храбрым, этот маленький Серый Вол. Он не побоялся даже грозного красавца Буяна. А Буяна боятся все: и люди, и животные.

Бык Буян такой высокий, что Алимбет поднимается на цыпочки, когда чистит его спину скребницей. Шерсть на спине золотистая, блестящая. На груди белая манишка сверкает, а огромные рога торчат, словно пики.

Он очень зол и капризен, этот Буян. Когда он сердится, шерсть на загривке поднимается дыбом, глаза наливаются

кровью, из горла рвётся мощный рык. Он так стучит копытом по настилу, что кажется—огромный молот бьёт по наковальне.

Однажды случилась такая история!.. Буян был чем-то очень расстроен и капризничал больше обычного. Он не давал Алимбету убирать стойло: отшвыривал головой грабли, наступал копытами на веник. Алимбет рассердился и толкнул Буяна. Тогда разъярённый бык взревел и толкнул Алимбета. Алимбет упал.

Буян склонил голову, выставил рога-пики... Ох, не сдобровать бы бедняге Алимбету! Страшно закричала перепуганная Мастура. Охнула, схватилась за сердце Елизавета Григорьевна. Побледнел Михаил Андреевич. Ещё мгновение — и Буян поднимет на рога Алимбета! Алимбет зажмурил глаза и...

В грозной тишине коровника скрипнули колёса и опять стало тихо. Люди не сразу поняли, что случилось. Алимбет нерешительно открыл глаза, потом приподнял голову. Мастурахон выглянула из-за столба. Все вдруг радостно вскрикнули, а Алимбет вскочил на ноги.

Ну, конечно же, это он, маленький, бесстрашный Серый Вол! Он сделал только два шага со своей тележкой и загородил стойло Буяна. А теперь стоял спокойно и равнодушно, будто ничего не случилось. А Буян—свирепый и сильный красавец-бык Буян, удивлённо рассматривал маленького храбреца: такого маленького, что огромному Буяну пришлось склонить голову, чтобы лучше разглядеть его.

Вот оказался каким храбрецом, этот некрасивый, трудолюбивый, взыскательный и добродушный маленький Серый Вол!

Рыжик и Пыжик

«Живут, как кошка с собакой». Кто не слышал этой поговорки. Её часто приводят, когда хотят подчеркнуть, что люди плохо относятся друг к другу или ссорятся между собой.

А ведь это не всегда правильно. Если бы люди более внимательно присмотрелись к домашним животным, они бы эту поговорку приводили иногда в пример хорошей дружбы.

* * *

Рыжик и Пыжик появились в нашем доме почти одновременно.

Первым пришёл Рыжик. Собственно, он не сам пришел, его подкинули мальчишки. Просунули в дыру под воротами и убежали. А на террасу он уже поднялся сам. Поднялся, по-

смотрел доверчиво вокруг, приветливо помахал хвостом, обнаружил под столом чёрствую корочку хлеба и с жадностью принялся грызть её.

Был он тогда трёхмесячным щенком и очень походил на лису: мордочка остренькая, ушки торчком, туловище тонкое, хвост пушистый. Окраска шерсти совершенно лисья: спинка, хвост, лапы — темно-рыжие, грудь и брюшко — золотистые.

Мы недолго раздумывали, как назвать щенка. Восьмилетний Миша быстро придумал ему кличку. Он присел на корточки, с любопытством разглядывая пришельца.

— Рыжий какой,— удивился мальчик.

Пёс в ответ радостно завилял хвостом, Миша сразу догадался:

— Тебя Рыжим зовут?.. Рыжик! Рыжик!

Миша радостно потёр золотистые веснушки на носу.

А щенок взвизгнул и лизнул мальчику руку.

— Миша... Миша...— заволновалась бабушка.— Не позволяй собаке лизать себя. Я не разрешу...

Но Миша и Рыжик уже взапуски бежали в глубь сада.

Надо сказать, сходство с лисой у Рыжика было чисто внешнее. На самом деле он был добродушным и весёлым псом. Он охотно играл с Мишиными друзьями в «пятнашки», не обижался, если в суматохе его сбивали с ног. Позволял дёргать себя за уши и хвост. Мальчишки смеялись, а он превесело гавкал.

Была у Рыжика только одна дурная привычка. Он тащил домой всякий хлам. По его милости двор и сад были вечно усеяны старыми тряпками, рванными башмаками, черепками, щепками. Где он всё брал — уму непостижимо!

Однажды Рыжик появился с диковинной ношей. Издали мы не могли понять, что он держит в зубах — клочок шерсти

или меховую шапочку. Миша даже предположил, что Рыжик откусил собственный хвост и теперь несёт его домой.

Мы все ошиблись. То была не шапочка, не клочок шерсти и не хвост. Рыжик торжественно положил к нашим ногам... котёнка. Маленького, пушистого, рыжего котёнка.

Мы с удивлением смотрели на Рыжика, а он как ни в чём не бывало добродушно вилял хвостом.

— Ишь ты,— вымолвила, наконец, бабушка,— братца принёс...

Рыжик принял слова бабушки за одобрение. Он радостно гавкнул. А котёнок взъерошился, напыжился, зашикал. Видно, только теперь понял, что Рыжик — собака.

— Какой пыж,— рассмеялась бабушка. Но тут же сделала серьёзное лицо и сказала:— Неси-ка назад...

— Бабушка,— взмолился Миша,— пусть останется...

Бабушка сдалась не сразу. Миша заверял её, что не будет трогать котёнка, а перед едой непременно станет мыть руки.

Бабушка добродушно рассмеялась, потрепала внука по густым кудрям и сказала:

— Ладно уж... Соберём всех рыжих.

Миша обиделся было, потому что... Чего уж таить! Потому что кудри у Миши того же цвета, что веснушки на носу — золотистые. Это доставляло ему массу огорчений. Но сегодня Мише нельзя было сердиться, слишком много забот, и главное — добыть молока для котёнка.

Так поселились у нас в доме пёс Рыжик и кот Пыжик.

Пыжик был еще маленький. Он даже молочко пить не умел. Сунет носик в блюдце и фыркает. Это ему молоко в ноздри попадало.

Соорудил Миша постель котёнку из старого бабушкиного платка. Пыжику она не понравилась. Он всё время пищал — тоненько и жалобно. Наверное, бедный малыш звал маму-кошку. Два дня плакал Пыжик, а на третий смолк.

— Наверное, утомился и спит,— сказал Миша бабушке.

Но оказалась, что Пыжик исчез. И не один — не было и Рыжика. Миша бросился на поиски. Он добросовестно обшарил все углы в доме. Слазил под кровать, заглянул в печку. Но только нос в сажу перемазал. Даже бабушкин платок два

раза перетряхнул, будто щенок и котёнок могли затеряться в нём.

Долго Миша бродил по саду. Наконец донёсся радостный крик:

— Нашёл... Здесь они...

Около забора на тряпке лежал Рыжик. Пыжик, прижавшись к нему, крепко спал, сладко посапывая. Может, ему снилась мама-кошка — тёплая и нежная?

Больше Пыжик не плакал. Он не расставался с Рыжиком. Вместе гуляли, вместе спали, вместе ели, вместе проказничали.

Решила как-то бабушка связать Мише тёплые варежки. Достала из сундука спицы, клубок шерсти, разложила всё это на столе, вооружилась очками, которые пришлось, как всегда, долго пристраивать на самом кончике носа, потому что иначе бабушка плохо видела, села за стол и хотела уже начать вязанье, как вдруг заметила, что клубка нет.

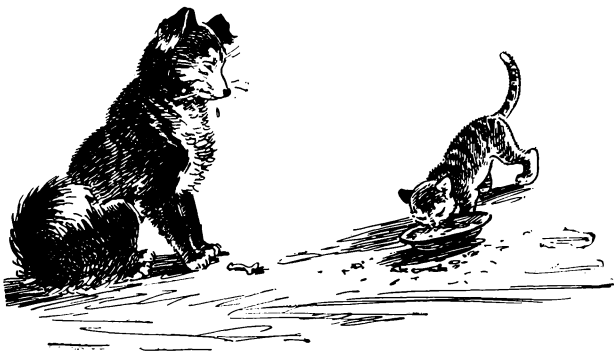
На столе нет, под столом нет, нигде нет. Вышла бабушка во двор и видит: катится по дорожке клубок, а за ним Рыжик и Пыжик.

— Ах вы, бесстыжие!..— крикнула бабушка.

Рыжик и Пыжик бросили клубок и спрятались в кусты.

Был ещё такой случай. В летней купальне стоял большой таз. Стоял он ребром, прислонясь к стене. Однажды, расшавшись, кот нечаянно толкнул его. Падая, таз накрыл проказника. Мы долго не могли понять, почему Рыжик лает в купальне. Пробовали позвать его. Он подбежит, посмотрит на всех умоляющими глазами и снова назад. Только вечером бабушка, разыскивая таз, обнаружила под ним пленника.

Ели друзья из одной миски. Сначала бабушка пыталась разъединить их. Она наливала для Пыжика молоко в блюд-

це, а Рыжику давала суп в миске. Но кот непременно совал нос в миску, и пёс отодвигался, чтобы дать место другу. Потом они вместе выпивали молоко. Миша не раз удивлялся:

— Вот глупый кот!.. Он же пьёт медленно, а Рыжик раз лизнёт — и нет молока.

Но «глупый кот» думал иначе: он ничего не жалел для друга.

Случалось друзьям поссориться. Но это не страшно. Если два друга не сходятся во взглядах, лучше сразу высказаться. Это только укрепляет дружбу.

Пыжик, ещё будучи совсем маленьким, как-то взобрался на дерево. Взобраться — взобрался, а слезть не смог. Он сидел на ветке и мяукал.

Как помочь другу? Ведь влезть на дерево Рыжик не мог. Тогда он громко, так громко и отчаянно залаял, что к месту происшествия поспешил Миша. Мальчик вкарабкался на дерево и снял малыша.

— Зачем полез?— корил Миша котёнка.— Не умеешь, не лезь...

Наверное, Рыжик то же самое говорил Пыжику, потому что он сердито зарычал на него. Пыжик дерзко фыркнул в ответ. Может он сказал: «Не твоё дело...» Тогда Рыжик так грозно гавкнул, что котёнок сжался в комок и тоненько пропищал. Вероятно, попросил извинения за дерзость или дал слово больше не лазить по деревьям.

Пыжик давно вырос, стал настоящим верхолазом. Ему ничего не стоило взобраться на вершину самого высокого дерева, совершить прогулку по соседним крышам и заборам. Но Рыжик всякий раз возмущался. И коту приходилось спускаться вниз, чтобы не расстраивать друга. Хотя он при этом недовольно фыркал, будто говорил:

— Пора и тебе научиться лазить...

Однажды пропал Пыжик. Мы с ног сбились в поисках кота. Рыжик не находил себе места. Он бросался на всякий шорох в кустах, бесцельно бродил по дому и саду, часами просиживал в подворотне.

Через две недели Пыжик пришёл сам. Накануне был сильный дождь. Перед нашим домом образовалась громадная лужа. Кот в нерешительности присел на противоположном берегу. Он попробовал обмакнуть лапку в воду, но тут же встряхнул её. Прикоснулся другой — и отдёргнул.

Наверное, Пыжику было очень досадно, что у самого дома он встретил препятствие. Он огорчённо мяукнул. Этого было достаточно, чтобы верный друг поспешил на помощь. Рыжик бросился в воду и вмиг оказался на другом берегу.

Встреча была сдержанной. Они обнюхали друг друга. Рыжик лизнул кота в нос, кот ткнулся мордочкой псу в живот. Потом Рыжик осторожно взял кота зубами за шиворот и по-

волол через лужу. Возле ворот пёс опустил его на землю, и они вместе, как прежде, помчались домой.

Вот как дружно жили у нас кот и собака. Даже Мишина бабушка, которая, как всем известно, не любила домашних животных и держала их ради внука, не раз говорила мальчикам, когда они ссорились по пустякам:

— Учились бы дружить у Рыжика и Пыжика...

Серенькая скучает

Приходилось ли вам, ребята, слышать подобное? Или видеть такое своими глазами?

— Что вы! — воскликнут знающие люди — Где это видно, чтобы кошка скучала?! Кошка — животное глупое!

Вот вы и догадались, наверное: Серенькая — это кошка. Большая дымчатая кошка, без единого пятнышка на короткой и блестящей шерсти. Красавицей её, конечно, не назовёшь, потому что она больше похожа на громадную крысу, чем на кошку. Мордочка у неё острая с чёрными шевелящимися усами, хвост тонкий и длинный. Зато глаза замечательные — большие, зелёные, издали светятся. А нос розовый.

Прежние хозяева Серенькой — мои большие друзья. Уезжая из города, они оставили кошку на моё попечение. Принесли они мне Серенькую под вечер. Она не мяукала, не просилась домой, вела себя довольно спокойно: походила по комнате, обнюхивая мебель и углы, потом вскочила на сундук и, свернувшись в клубок, уснула.

Может, она вовсе не спала? Может, только притворялась? Я, право, не знаю. Но утром кошки не оказалось на месте. Искала я её, искала — и под кроватью, и за шкафом, и в садике под окном — нет нигде. Пропала!

Но она не пропала, она пришла. Поздно вечером на окне шевельнулась занавеска, и из тьмы сверкнули зелёные огоньки.

— Серенькая! — обрадовалась я. — Иди-ка домой! Ты где это была?

Серенькая негромко ответила:

— Мав-ур-мав,— и прыгнула на пол.

Я, конечно, не поняла её, но переспрашивать не стала, всё равно лучше объяснить не сумеет.

Серенькая была очень голодна, она долго и жадно ела всё, что я ей подкладывала — котлетку, картошку, хлеб в молоке. А наевшись, вскочила на сундук, свернулась по-вчерашнему клубочком и уснула.

А может, она не спала? Может, просто притворялась? Не знаю! Но на утро кошка опять исчезла и опять пришла поздно вечером. Много и долго ела, потом улеглась на сундуке, а на утро её опять не было на месте...

Так продолжалось много дней. Я терялась в догадках,— куда уходит кошка, где пропадает по целым дням? И только случай помог мне разгадать странное поведение Серенькой.

Был воскресный день. Уже к вечеру я, проходя мимо дома, где жили мои знакомые, внезапно остановилась. «Не здесь ли Серенькая!»— подумала я. Перед домом палисадник, густо поросший цветами и хмелем, если кошка и прячется в нём, так всё равно её не увидишь.

Но мне показалось, а может, просто почудилось, что из зарослей на меня смотрят зелёные глаза. Я на всякий случай окликнула:

— Серенькая!

Никакого ответа, только куст с золотыми шарами заколебался. Тогда я строго прикрикнула:

— Серенькая! Иди сейчас же сюда!

— Мав-ур-мав,— ответила Серенькая недовольным голосом, но послушно вышла из палисадника на тротуар.

Так вот, значит, где она пропадает по целым дням! Сидит у своего старого дома, и ждёт — не раздадутся ли знакомые шаги на парадном. И так день за днём, с раннего утра до

позднего вечера. Где ей, бедной кошке, знать, что людям случается переезжать из города в город...

— Серенькая, пойдём-ка домой,—предложила я. —Всё равно твоя хозяйшюка не вернётся. Привыкай ко мне.

— Му-у-ур-ур,— произнесла Серенькая, словно соглашалась со мной. А когда я её взяла на руки, прижалась к плечу и не шевелилась до самого дома.

Больше Серенькая не уходила из дому — казалось, поняла, что надо привыкать к новому месту. Скоро она обжилась в моей квартире, почувствовала себя хозяйкой. Зажили мы с ней довольно дружно, хотя характер у Серенькой оказался не совсем покладистым — гордый и независимый.

Вот, например, история с моей дверью.

Дверь в мою комнату прикрывается туго. Другая бы кошка, если ей нужно выйти на улицу, мяукнула, попросив её выпустить. А Серенькая ни за что просить не станет. Она старается сама справиться. Становится на задние лапы, когти передних лап пропускает в щель и тянет тяжёлую створку на себя.

Чаще всего ей удаётся открыть дверь настолько, чтобы выскользнуть наружу,—она сильная кошка. Но случается и другое,—дверь плотно прикрыта, и сколько Серенькая ни бьётся—открыть не может. Но помощи она всё-таки не просит. Садится на пороге и ждёт, может целый день так просидеть в ожидании, что кто-нибудь войдёт в квартиру.

Если я вижу бесплодные усилия Серенькой и открываю ей дверь, она—прежде чем выйдет из комнаты—поднимает мордочку вверх и говорит:

— Мау-мау!

Я думаю, что на кошачьем языке это означает: «Большое спасибо».

Кошки большей частью попрошайки. Учуют запах мяса или увидят, что люди садятся обедать—они тут как тут,—мяучат, надоедают. А Серенькая никогда не попросит. Сядет возле стола и ждёт, когда её покормят. Если уж она очень голодна, то приподымается на задние лапки, а передней тихонечко дотронется до моего локтя—вежливо напомним о себе.

Только один раз она нарушила это правило. В тот день у нас к обеду были гости, и мы засиделись за столом. Серенькая уже два раза напоминала о себе. И вдруг...

— М-ма-а-у,—сердито прозвучало в комнате.— М-ма-а-а-у!

— Серенькая!—воскликнула я возмущённо.— Ты, оказывается, нахалка!

Что тогда стало с кошкой! Не будь у неё такой густой шерсти, было бы видно, как она покраснела. Она ткнулась носом в пол, прижала уши, сгорбилась и жалобно пропищала:

— М-ме-е-е...

Мы поняли, что она извиняется за своё поведение. Но тут наши гости громко рассмеялись, глядя на кошку. И Серенькая, вконец сконфуженная, опрометью кинулась под кровать. Еле я её потом уговорила выйти.

Случается нам с ней поссориться немножечко. Это бывает, когда Серенькой вдруг взбредёт в голову выпастись в платяном шкафу. С дверцей шкафа она легко управляет, вмиг открывает. Но я не разрешаю ей, говорю:

— Серенькая! Не смей...

Она оборачивается и смотрит на меня укоризненно — может быть, я всё-таки позволю? Но я повторяю:

— Серая! Не смей!

— Маув, маув, маув...

Серенькая уходит, сердито раскачивая опущенным хвостом. Но я спокойна: раз она ответила, значит, уже не скоро повторит попытку пробраться в шкаф.

Ссоримся мы с ней ещё из-за Джека. Джек — забавный кудлатый пёс, ласковый и глуповатый.

Он — большой лакомка, и потому ходит ко мне в гости, что я даю ему сахар или конфеты.

Но что делается с моей кошкой, когда Джек, приветливо виляя хвостом, заходит в комнату! Серенькая превращается в тигрицу. Шерсть вздыбливается, спина поднимается горой, а хвост, как змея, извивается по полу. И шипит по-змеиному:

— Фршшш-фршшш...

Требуется, чтобы Джек ушёл. А Джек поначалу не понимал, норовил поиграть с ней. Подойдёт, игриво толкнёт носом в бок. Тут Серенькая поднимается на задние лапы, а передними хлещет Джека по морде. И, наверное, коготки выпускает, потому что Джек громко взвизгивает и стрелой вылетает из комнаты.

Я в негодовании кричу:

— Серенькая! Не смей трогать гостя!

А она, всё ещё взъерошенная дерзко мне отвечает:

— Фршшш-маув, маув...

И настояла ведь на своём, перестал Джек ходить к нам в дом. Теперь он изредка появляется под окном, да и то, когда Серенькой поблизости нет.

Но ссоримся мы всё-таки редко, в основном живём дружно.

Бывает так. Полночь, тишина. В доме все давно спят. Только я сижу за письменным столом. Кошка неслышно вспрыгивает на стол и усаживается. Я спешу закрыть чернильницу, чтобы она не обмакнула хвост в чернилах. Такое уже однажды случилось.

Серенькая тычется влажным розовым носом мне в ухо и нежно нащёптывает:

— М-му-у-ур... М-му-у-ур...

Как это в точности переводится на человеческий язык, я не знаю. Но шепчу в ответ:

— Кисанька... Серенькая... Умница...

И кошка довольно щурит глаза.

Но Серенькая не забыла свою прежнюю хозяйку. Уж как она догадывается, когда мне приходит от неё письмо, трудно сказать. Но Серенькая почти никогда не ошибается.

Вот я читаю письмо от бабушки Коки. Серенькая вспрыгивает на мой стол и суёт нос в листки, обнюхивает конверт. Как будто ждёт приветов от своей бывшей хозяйки.

Неожиданно для нас обеих приехала сама бабушка Кока. Это произошло год спустя, как Серенькая переселилась ко мне.

Мы с Серенькой занимались своими делами: я сидела за письменным столом и работала, она, свернувшись в клубок, спала на сундуке. И вдруг за окном послышался знакомый голос:

— Где тут мои касатушки-ребятушки? Как это они тут живут да поживают?

Мы с Серенькой одновременно бросились к дверям. Только она опередила меня и первой бросилась к неожиданной гостье. Подбежала, уцепилась передними лапами за подол юбки и тоненько, как маленький котёнок, протянула:

— М-ми-и-и-у...

Бабушка подхватила Серенькую на руки. А Серенькая мурлычет, лижет гостье руки, жмурится.

Сутки только погостила у нас бабушка Кока.

Серенькая так и ходила за ней по пятам. А когда пришло время снова собираться в дорогу, забеспокоилась.

Бабушка Кока сказала:

— Понимает Серенькая, понимает моя умница, что уезжаю... Ишь ты! И меня-то ей жаль, и тебя не хочет обидеть!

Проводила я бабушку до ворот, попрощалась. Серенькая шла рядом с нами. И с ней бабушка Кока попрощалась. Но когда Серенькая увидела, что старушка уходит, а я стою на месте, заметалась: не знает — то ли со мной остаться, то ли бабушку Коку нагнать. Потом села посреди улицы и опять, как маленький котёнок, жалобно пропищала:

— М-ми-и-и-у...

Взяла я Серенькую на руки и понесла домой. Не знаю, может мне показалось, только глаза у Серенькой были влажными. А я ещё никогда не видела, чтобы кошки плакали.

Ну? Верите ли вы теперь, что кошка уж не такое глупое животное, как про неё говорят? А если кто и не поверил моему рассказу, пусть придёт к нам с Серенькой в гости, посмотрит, как мы с ней дружно живём, как читаем письма от бабушки Коки.

Бурёнушка-музыкантша

Вы знаете, кого так зовут? Конечно, вот эту забавную тёлушку. Ножки у неё, видите, какие тоненькие, копытца маленькие, шёрстка нежная. На лбу у тёлушки белая звёздочка, а сама — тёмно-бурого цвета.

Маленькая Алёнка, как увидела тёлушку, обхватила её руками за шею и давай целовать да приговаривать:

— Моя Бурёнушка... Моя красавица... Никому тебя не отдам. Сама стану за тобой ухаживать...

А Бурёнушка обрадовалась, сказала тоненьким голоском, «М-м-у-у» и стала лизать Алёнке руки. А Алёнкин папа засмеялся:

— Вот,— говорит,— телячьи нежности какие!

Алёнка очень удивилась и спросила:

— Разве телячьи нежности такие бывают?

— Такие,— ответил Алёнкин папа и ещё громче рассмеялся.— Именно такие...

Алёнка подумала немного и решила:

— Нет... Бурёнушка просто молочка хочет.

Алёнушка взяла крынку с молоком. Хотела прямо из неё поить тёлушку. А папа Алёнкин сказал:

— Что ты, доченька! Разве Бурёнушка напьётся из крынки. У крынки горлышко узкое. Налей-ка молока в миску!

Алёнка послушно вылила молоко в алюминиевую миску и подставила тёлушке. Только Алёнкин папа перехватил миску и поставил её на плиту.

— Пусть молоко нагреется, доченька,— сказал он.— Твоя Бурёнушка совсем маленькая. Если её напоить холодным молоком, она заболит.

— У Бурёнушки горло заболит?— поинтересовалась Алёнка.

А папа сказал:

— И горло и животик заболит.— Он потрогал молоко пальцем, снял миску с плиты и отдал Алёнке.— Вот теперь можешь напоить тёлушку. Молоко тёплое...

Алёнка поднесла молоко Бурёнушке, а та всю мордочку окунула в миску. Сразу закашлялась, зафыркала — брызги по всей кухне. Девочка чуть не расплакалась: не умеет Бурёнушка пить молоко. Так она и с голоду умрёт!

А Алёнкин папа только смеётся. Даже обиделась на него девочка. Но тут же позабыла про обиду, потому что папа окунул руку в молоко, наклонил миску. Бурёнушка прильнула к его ладони и, почмокивая, стала пить.

Попробовала Алёнка сделать, как папа. Получилось. Бурёнушка и из Алёнкиной ладошки стала пить молоко. До самого дна выпила и руки девочке облизала.

Потом Алёнкин папа принёс охапку свежего сена. Такого душистого, что и Алёнка, и Бурёнушка сразу чихнули. Девочка сказала тогда тёлушке: «Будь здорова!» А тёлушка ничего не сказала девочке, потому что она была совсем маленькой.

Алёнка отвела Бурёнушку на сено и строго сказала, как ей говорила мама:

— Ну, вот ты и поела. А теперь поспи. Если будешь умницей, я тебе сказку расскажу. Или песенку спою. Ложись...

Бурёнушка оказалась умницей. Она легла на бочок, поджала ножки, а голову протянула на колени Алёнке. Алёнка спросила:

— Чего хочешь? Сказку или песенку?

Бурёнушка ничего не ответила. Она ведь была тогда совсем-совсем маленькой. Алёнка подумала и запела ей песенку. Ту песенку, которую Алёнкина мама пела. Знаете её:

Спят медведи и слоны,
Тёти спят и дяди.

И до конца не допела Алёнка, а Бурёнушка уже закрыла глаза.

Но вы не знаете, почему Бурёнушку прозвали музыкантшей. Конечно, ведь животные не могут ни на чём играть. Но многие из них любят музыку.

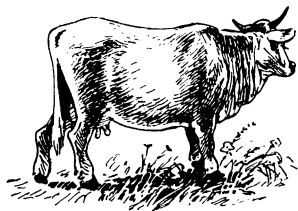
Бурёнушка росла быстро. Куда быстрее, чем её маленькая хозяйка — Алёнка. К следующей весне тёлушка была одного роста с девочкой. Алёнке уже приходилось подниматься на цыпочки, чтобы обнять свою любимицу за шею. И Бурёнушка очень любила Алёнку. Бывало, ласкается к ней, точно кошка: трётся о руки девочки, голову кладёт ей на плечо.

Алёнке даже иногда казалось, что Бурёнушка тихо мурлычет. Но это ей только казалось. Известно ведь — тёлки не умеют мурлыкать.

Бурёнушка, если долго не видела Алёнку, скучала. Бродит по двору, заглядывает в окна. А услышит голос девочки — бежит к ней со всех ног.

Алёнка была девочка весёлая, певунья. Она знала много разных песенок, играла на пианино. Училась, конечно. Все свои новые песенки девочка обязательно пела Бурёнушке. А Бурёнушка была хорошей слушательницей. Она никогда не говорила, как взрослые: «Помолчи, Алёнка, надоело», «Не шуми, Алёнка, папа спит».

Бурёнушка знала, когда Алёнка занимается музыкой.

У неё, конечно, не было часов. Да они животным и не нужны, потому что животные прекрасно сами угадывают время.

Так вот. Когда Алёнка по утрам играла на пианино, Бурёнушка стояла у раскрытого окна. Целых два часа стояла

и не шевелилась. Только редко-редко переставит ноги, если очень уж затекут. Алёнка всем говорила, что Бурёнушка любит музыку. Но взрослые смеялись: «Она любит не музыку. Она любит тебя. Поэтому и стоит под окном».

Но разубедить Алёнку было невозможно: она ведь лучше других понимает свою Бурёнушку. А вскоре произошёл такой случай, что и взрослые поверили.

Дело было так.

Бурёнушка заболела. Утром она стояла в хлеву, печально опустив голову, и ничего не ела. Даже от булки отказалась. А к вечеру уже и стоять не могла: лежала в тёмном углу и грустными глазами смотрела на плачущую девочку.

На другой день Алёнкин папа привел ветеринара,— так зовут доктора, который лечит животных.

Доктор-ветеринар показался Алёнке сердитым. Он всё время хмурил брови, пока выслушивал Бурёнушку, мерил температуру. Даже заставил тёлку язык показать. А потом...

Ох, как закричала Алёнка! Доктор сделал Бурёнушке укол такой большой иглой. Закричала Алёнка и бросилась обнимать Бурёнушку: думала, что ей очень больно.

А сердитый доктор отстранил Алёнку и дал Бурёнушке какое-то лекарство, целую кружку. Потом он сказал:

— Воспаление лёгких, милая девочка, у твоей Бурёнушки. Надо её теперь тепло укрыть. Пусть поспит, если сможет.

Алёнка улыбнулась сквозь слёзы. Она уселась рядом с Бурёнушкой, обхватила её за шею и замурлыкала на ухо:

Спят медведи и слоны,
Тёти спят и дяди.

Доктор смотрел удивлённо. А у Бурёнушки глаза стали маленькие-маленькие. И совсем закрылись. Уснула. Хмурый доктор улыбнулся, и Алёнка вдруг поняла, какое у него доброе-доброе лицо. Девочка поверила, что Бурёнушка поправится. Доктор тоже тихо рассмеялся и сказал:

— Оказывается, девочка, твоя Бурёнушка музыкантша!

Бурёнушка поправилась. Опять стала весёлой и ласковой. Опять стояла у раскрытого окна, слушая Алёнкины песенки. С легкой руки доктора её стали звать теперь Бурёнушка-музыкантша.

* * *

Прошло ещё два года. Бурёнушка-музыкантша стала совсем взрослой. Она уже давала молоко. Очень вкусное молоко. Алёнка с удовольствием выпивала по большой кружке сама и поила им крошечного телка — сына Бурёнушки.

Алёнке теперь трудно приходилось. Маленький телок не хотел засыпать без песенки. А его мама Бурёнушка-музыкантша не давала молока, если Алёнка не пела. По вечерам девочка просто разрывалась на части. Только станет укладывать телка, мама зовёт:

— Дочка, иди скорей. Твоя Музыкантша задерживает молоко!

Алёнка бежит со всех ног в коровник. Обнимет корову за шею, замурлычет на ухо песенку, а Алёнкина мама доит. Целое ведро молока надоит.

Да... А вы знаете, что в это время делает маленький телок? Туп-туп-туп... Туп-туп-туп... Стучит копытцами по полу и жалобно мычит: «м-м-му-у-у». Будто зовёт: «Алёнка, где же ты?».

Мама сердится, говорит: «Избаловала животных, теперь вот расхлёбывай».

Один раз Алёнкина мама стала петь дочкину песенку. Думала, заменит девочку. Не тут-то было. Бурёнушка-музыкантша сразу поняла, что её обманывают. Пела Алёнкина мама, пела, а корова и не думает давать молока. Пришлось идти за Алёнкой. Оказывается, Бурёнушка-музыкантша не всякую музыку любит, а только Алёнкину.

Что поделаешь? Иногда Алёнке плакать хочется, а приходится петь. Сама виновата!

Бельчик

Мы уже второй день спорим... Мы — это ребята с нашего двора: Иринка, Толик-Нолик и я.

Спорим мы с Генкой... Генка тоже из нашего двора, но он самый маленький из нас — ему только семь лет исполнилось. Он и ростом маленький, и к тому же толстый. Поэтому мы зовём его Карапузиком.

Генка-Карапузик, хоть и маленький, а страшно упрямый, и мы втроём не можем его убедить. Он говорит:

— Бельчик — противный пёс... Бельчик — глупый пёс!..

— Неправда! — возмущается Иринка.— Бельчик умный!

Генка-Карапузик говорит:

— Бельчик вредничает!— Он — ябеда!

— И совсем не вредничает! —сердится Толик-Нотик.— Не ябеда он вовсе!

Но Генка-Карапузик говорит:

— Так по-товарищески не делают!

— Он по-товарищески делает,— кричу я,— а ты Бельчика обижаешь!

А Генка-Карапузик...

В общем, с Генкой-Карапузиком вы уже познакомились. Правда ведь — упрямый мальчишка? Ну, как такого убедишь! Не поможете ли вы нам, ребята? Я вам сейчас всё расскажу. Слушайте...

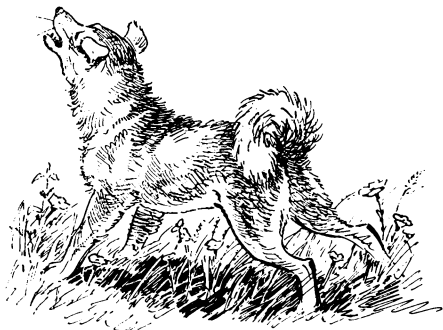
Бельчик — наш дворовый пёс. С виду он довольно свирепый. Представляете — сам белый, а нос чёрный. Верный признак, что собака злая. К тому же у Бельчика огромные жёлтые клыки и сердитый глаз. Да, у него только один глаз, а на месте второго — глубокий шрам. Как случилось, что Бельчик стал одноглазым, никто не знает, потому что он уже таким к нам попал. Мы даже не знаем,

откуда он пришёл. Пришёл и всё, стал жить у нас во дворе, подружился с ребятами.

Бельчик любит ребят, никогда их не обижает. И мы, ребята, охотно с ним играем. Бельчик большой и сильный. Мы на нём и верхом ездим. А зимой он катает нас на санках. У Иринки есть большие санки, мы все четверо помещаемся в них.

Но охотнее всего Бельчик почему-то играет с Генкой-Карапузиком. Может, потому, что он самый маленький, или потому, что Генка весь день дома. И Бельчик всегда дома. А мы — Иринка, Толик-Нолик и я — на полдня уходим в школу, потом у нас ещё пионерские сборы, художественная самодеятельность, кружки.

Но вот Генка вдруг перестал дружить с Бельчиком. И Бельчик, верите, ходит страшно грустный, вид у него виноватый — голова опущена, хвост поджат. Он, наверное, думает: «Это я во всём виноват!» А он не виноват...

Взял Генка-Карапузик да и забрался на дерево. Возле дувала у нас шелковица растёт,—высокая, ветви раскидистые. Так Генка на самую верхнюю ветку вскарабкался, и пополз по ней на животе.

Ползёт... И не соображает, что ветка все тоньше и тоньше становится. Вдуг ветка прогнулась под ним, Генка и перевернулся. Повис он, как обезьяна, уцепившись руками и ногами. И закричал со страху во всё горло:

— Ой-ё-ёй!

Но Генке только показалось, что он очень громко закричал, а получилось чуть слышно. Никто, кроме Бельчика, его не услышал. Бельчик мигом примчался к дереву, понял, что Генка в беде, а помочь не может. Он так сильно заскулил, залаял, что услышала тётя Шура, которая была в самом конце двора, и Миша — взрослый мальчик, что живёт в дальней квартире.

Тётя Шура, как увидела Генку, висящего на дереве, громко заплакала. Тогда Генка совсем испугался. Он выпустил ветку и полетел вниз. А Миша изловчился и поймал его, хотя сам сильно вывихнул руку и потом долго носил её на перевязи.

Генкина мама от радости и плакала, и смеялась, перецеловала всех — Мишу, Генку, Бельчика. Но Генку всё-таки наказала: три дня не выпускала его из дома. А когда выпустила...

Думаете Генка опять на дерево полез? Нет! Он забрался на крышу. Там у нас урюк и вишня для компота сушились.

Бельчик не пускал его. Только Генка к лестнице подойдёт, Бельчик рычит: «Р-р-р!» и становится поперёк лестницы.

Тогда Генка стал его уговаривать:

— Бельчинька... Умненький... Пусти меня! Я тебе урюку дам.

Услышал Бельчик слово «урюк», уши наострил. Когда урюк поспевал, он все дни под урючиной просиживал. Дунет ветерок, спелый плод свалится на землю,—Бельчик тут же его съест. Он даже косточки умеет разгрызть.

Очень любит Бельчик урюк, но никаким лакомством его не подкупишь. Не пускает Генку на крышу—и всё. Тогда Генка сделал вид, что лестница нисколько его не интересует. Сел он неподалёку и замурлыкал песню.

Бельчик ему поверил, улёгся рядом. Но тут во двор пришёл почтальон. А Бельчик почему-то не любит, когда у людей большие сумки: думает, наверное, что такие люди обязательно что-нибудь унесут со двора. Он и помчался к воротам с громким лаем.

Генке только это и требовалось, он мигом взлетел на крышу. Набил там полные карманы урюком и стал слезать. А лестница немного не доходила до крыши. Как ни приноравливался Генка, никак не мог своими короткими ногами дотянуться до перекладины.

Вернулся Бельчик и рассердился. Сел под лестницей, рычит: «Р-р-р!» Вдруг вышла из дома тётя Шура и позвала:

— Геночка!.. Сыночек!.. Где ты? Иди, каша остынет...

Генка замер на крыше: только бы мама не увидела. А сам шепчет Бельчику:

— Бельчинька... Миленький... Ты не гавкай, пожалуйста... Я больше никогда-никогда не полезу...

И стал Бельчика урюком угощать,—вынимает из кармана по одному и бросает вниз. Но Бельчик опять не поддался на уговоры. Подбежал к тёте Шуре и потянул её за подол платья, зовёт с собой.

Тётя Шура встревожилась, побежала за Бельчиком. А Бельчик довёл её до лестницы, поднял морду вверх и залаял: — Гав, гав-гав, гав!

Это, наверное, значило: «Посмотри на крышу, там твой сын!» Тётя Шура поняла Бельчика. Она сняла Генку с крыши и опять наказала его. Опять наш Карапузик три дня дома сидел.

А когда его тётя Шура выпустила, он... Думаете, опять куда-нибудь полез? Не совсем так!.. Он сначала встретился с Бельчиком, крепко обнял его за шею и сказал:

— Бельчинька! Я дал маме слово вести себя хорошо!

И почему-то вздохнул: может, он не совсем верил в своё слово? Однако Бельчик обрадовался — завилял хвостом, заулыбался... Знаете, собаки умеют улыбаться! Нос у них морщится, глаза становятся весёлыми.

Потом они затеяли игру в «пятнашки». Бежит Генка со всех ног, повизгивая от восторга, а Бельчик за ним прыжками скачет. Догонит Генку, хлопнет лапой и убегает. Теперь уже Генка догоняет Бельчика.

Забегали они в самый конец двора и сели у арычка отдохнуть. Неглубокий арычек и сухой, а за ним чужой малинник начинается. Розовая ягода из-под зелёной листвы выглядывает, сама в рот просится. Генка отводит глаза от малинника и говорит Бельчику:

— Пускай просится в рот! Я не полезу. Да она, наверное, ещё не поспела... Правда, Бельчинька?

А Бельчик и ответить ничего не успел. Генка вдруг растянулся на животе и пополз по-пластунски. Бельчик тоже растянулся на животе и пополз вслед за Генкой. Он, кажется, решил, что это новая игра начинается.

Так они добрались до арычка.

Генка стал осторожно раздвигать густые заросли малины, но тут Бельчик сердито сказал: «Р-р-р!—Дальше нельзя!»

Генка не послушался. Он ещё шире раздвинул кусты и уже по плечи скрылся в малиннике. Тогда Бельчик вскочил на ноги, схватил зубами за поясok курточки и потянул мальчика назад. Генка рассердился, замотал ногами. Но Бельчик был сильный пёс, он без труда вытащил Генку из чужого малинника и перетащил через арык. Генка просто рассвирепел, дёрнул со всех сил, и поясok от курточки остался в зубах у Бельчика...

Конечно, Генку снова наказали! Почему весь перепачкался в земле? Почему протёрты чулки на коленях? Почему оторван поясok? Пришлось ему во всём признаться маме. Но вину свалил на Бельчика: он его тянул по земле через арык, он оторвал ему поясok. И вообще, решил Генка, Бельчик виноват в том, что его мама наказывает всё время. Если бы не Бельчик, говорит он, никто бы не узнал про его проделки.

А разве это правильно? Разве Бельчик виноват, что Генка не слушается маму, не умеет держать даже собственного слова. Бельчик ему жизнь спас, Бельчик его от дурных поступков оберегает. А он, Генка-Карапузик,— такой маленький и такой упрямый—твердит одно:

— Бельчик — вредный!

— Не вредный,—возмущается Иринка.— Он хороший друг.

Генка-Карапузик опять своё:

— Он маме жалуется!.. Он вредничает!

— Не вредничает,—сердится Толик-Нолик.— Он тебя из беды выручает!

Но Генка-Карапузик не соглашается:

— Он виноват, что меня мама наказывает!

— Он не виноват,— говорю я.— Ты сам во всём виноват!
А Генка-Карапузик...

Все знают, что он упрямый мальчик. Не поможете ли вы нам, ребята, убедить Генку? А то Бельчик до сих пор ходит грустный, наверное, считает себя виноватым...

Ёжик

У Анки есть бабушка. Даже не бабушка, а прабабушка—значит, маминой мамы мама. И такая она старенькая, что Анка не может сосчитать, сколько прабабушке лет. Потому что Анка научилась считать только до пятидесяти, а надо прибавить ещё столько же, чтобы узнать сколько бабушке лет.

Только бабушка ещё совсем бодрая. Она ходит мелкими шажками и быстро-быстро, Анке приходится догонять её. Бабушка маленькая и кругленькая, а юбка у неё длинная и широкая. Анке всегда кажется, что бабушка не ходит, а перекатывается, точно мячик.

Замечательная у Анки бабушка. Анка считает, что ни у кого больше нет такой. Сколько она знает сказок и песен!.. И не устаёт пересказывать их внучке, а внучке не надоедает слушать. Но ещё больше, чем песни и сказки, Анке нравятся бабушкины вещи. Их так много, что в бабушкиной комнате повернуться негде.

И вещи все удивительные, таких тоже ни у кого нет. И все они — старинные. Тут и пузатый комод на тонких ножках с золотыми кольцами вместо ручек, и кованый сундук с весёлым перезвоном в замке, и шкафы с секретными запорами. Потом всякие сундучки, пуфики, ларчики, шкатулочки.

И все эти вещи Анка может трогать, может играть ими сколько ей угодно. Только одной вещи ей запрещено касаться. Её даже сама бабушка берёт в руки раз в неделю, чтобы помыть и почистить. А Анке разрешается при этом лишь сидеть смиренно и смотреть. Эта вещь — керосиновая лампа!

Анка не совсем понимает, для чего бабушке нужна керосиновая лампа? Её никогда не зажигают, потому что смешно зажигать лампу, когда в доме горит электричество. Но бабушка говорит: эта вещь дорога её памяти.

Анка любит смотреть, как бабушка чистит лампу: неторопливо, обдуманно, даже торжественно. Под рукой у бабушки целый набор тряпок. Одной она натирает до блеска тяжёлую бронзовую подножку, другой снимает пыль со стеклянной чаши, а мягкой фланелькой трёт голубой абажур — большой, как Анкин зонтик.

Когда же очередь доходит до лампового стекла, тут Анка сидит, затаив дыхание. Интересное оно, это стекло — с одного конца узкое, как горлышко у бутылки, а с другого круглое, как шар. Анке всякий раз кажется, что оно вот-вот лопнет. Но стекло не лопается. Бабушка надевает его снова на лам-

пу, и оно блестит так, что глазам становится больно. Но бабушка почему-то остается недовольной.

— Эх,— говорит она.— Сколько прошу, чтоб достали ёжик. Лучше, чем ёжиком, не почищишь стекло.

Анка недоумевает: при чём тут ёжик? Он же колючий и жёсткий! Анка видела ёжика у Кольки—мальчика с соседнего двора. Тот ёжик даже ручной, позволяет себя гладить. А как его погладишь, когда на спине сплошные колючки? Но раз бабушка говорит—лучше чистить ёжиком, значит, лучше... И Анка обещает бабушке поймать ёжика. Тут бабушка всегда почему-то усмешливо отвечает:

— Спасибо, внученька! Только того ёжика ты не поймашь!

Анка обижается: наверное, бабушка считает её маленькой и непроворной. А она всё-таки поймаёт...

* * *

Анка чуточку приоткрыла глаз. А весёлый солнечный лучик, словно того только и ждал, прыгнул со стенки и зашекотал в её носу. Анка чихнула, рассердилась и пробормотала сонно:

— А ну тебя! Не мешай спать!

И повернулась на другой бок. Закрывает глаза и тотчас открывает: нет, это не солнечный лучик разбудил её. В садике под окошком громким лаем заливался Джек. Он лаял так странно—тревожно, с подвыванием,—что Анка прыгнула с постели и бросилась к окошку.

— Джек! Джеканык!—позвала Анка.—Иди сюда!

Но Джек не тронулся с места. Он, припав на передние лапы, просунул лохматую голову под куст сирени. На зов Анки Джек лишь вильнул хвостом, как бы извиняясь, что не

может оторваться от дела. Вдруг он сунул лапу под куст и тут же отдёргнул её с жалобным визгом.

Анка, как была в одной рубашонке, выбежала в садик. Присела рядом с Джеком и тоже заглянула под куст. Но ничего интересного не увидела, кроме большой серой колючки, круглой, как моток бабушкиных ниток. Анка уже хотела уйти, как вдруг колючка зашевелилась и развернулась. Выглянуло маленькое поросычье рыльце с острыми ушками и глазами-бусинками.

— Ёжик,— узнала Анка.— Ёжинька-ёжик. Миленький мой! Вот я тебя сейчас...

Ёжик попытался улизнуть в траву. Но Джек поддел его лапой, и ёжик свернулся. Анка помчалась в дом, крикнув на бегу:

— Джек! Не пускай ёжика! Я сейчас...

Анка быстро вернулась назад, держа в руках свой пёстрый сарафанчик. Она живо укатала в сарафанчик ежа и понесла его домой.

* * *

А ёжик-то оказался ручным!

Выкатила его Анка из сарафанчика прямо на пол. Ёжик полежал с минуту круглой колючкой, а потом развернулся и деловито засеменял по комнате. Под столом стояло кошкино блюдо с молоком, ёжик нашёл его, сунул пяточок в молоко и давай лакать. А Серенькая тут же сидит, но ёжик на неё никакого внимания не обратил. «Совсем как Колькин ёжик,— подумала Анка.— Тот тоже никого не боится— ни кошек, ни людей. Только от собак отворачивается».

А Джеку вход в комнату строго воспрещён. Он стоит на пороге, изнемогая от любопытства. Анке так и кажется, что он вот-вот спросит: «Что это за зверь такой?» Джек ещё ни-

когда не видел ежей. Но как Анка может рассказать псу про ежа? Бедному Джеку приходится самому догадываться.

Анка долго сидела на полу, не дыша и не шевелясь: боялась спугнуть ежа. Но увидев, что ёж и не думает пугаться, она подобралась к нему потихонечку и погладила. Сначала провела пальчиком по мягкой поросычьей мордочке,— ёжик ничего, не свернулся. Даже остановился. Тогда Анка осмелела—почесала ему шейку, потом брюшко. Потом взяла его на руки, ласково приговаривая:

— Ёжичка-ёжичка — колючая иголочка! Откуда ты пришёл?

Но ёжик промолчал. Не мог же он рассказать Анке, как попал в её садик и встретился с Джеком.

Тогда Анка снова забормотала:

— Ёжичка-ёжичка — колючая иголочка! Вот обрадуется бабушка... Скоро она вернётся.

И Анка стала думать о бабушке. Бабушка сказала, что приедет только к обеду. Она ещё вчера вечером уехала повидаться с другой правнучкой.

Скучно Анке без бабушки. И Анка думает: попрошу бабулю больше не уезжать. Подарю ей ёжика, она давно хочет его иметь. Но и этого Анке показалось мало. Что бы ещё такое приятное сделать для бабушки?

И Анка придумала: она почистит ёжиком стекло от лампы.

* * *

Но придумать было легко, а выполнить оказалось куда труднее!

Дело в том, что Анка маленькая, а стол, на котором стоит лампа, высокий. Нечего и думать — дотянуться до лампы с пола. Анка влезла на стул, но и со стула не достала. Тогда

она взобралась на стол и уселась рядом с лампой, а ежа положила возле себя.

Немало повозилась Анка, пока сняла тяжёлый абажур. Потом ухватила обеими руками за стекло и тоже с трудом, но всё-таки вытащила его из горелки. Теперь можно чистить. А как? Анка никогда не видела, как ёжиками чистят ламповые стёкла.

Но Анка была девочка сообразительная. Вспомнила, что бабушка больше всего тёрла стекло внутри. Значит, и ежа надо посадить во внутрь. Только с какой стороны его затолкать? Анка повертела стекло в руках и решила — лучше всего с широкой.

Она подсунула под нос ёжику широкое отверстие. Думала, что ёжик сам в стекло ползет: ведь его дело чистить стёкла! Но ёжик почему-то не пожелал лезть в него. Он обнюхал края отверстия и пошёл в сторону. Тогда Анка стала его подталкивать. Ёж упирался, а потом взял да и свернулся в колючий клубок: попробуй, возьми его голыми руками!

Но Анка была настойчивой. Она зажала стекло коленями и стала терпеливо ждать, когда ёж развернётся. А когда он развернулся, подхватила на руки и стремительно сунула в отверстие. Ёж заскрипел иголками по стенкам стекла, рванулся и...

Анка замерла от ужаса. На тысячи осколков разлетелось стекло от знаменитой бабушкиной лампы.

И тут вошла бабушка...

Анка стала плакать; и при этом что-то говорила про ёжика и про стекло. Бабушка бы ничего не поняла из её слов, если бы не увидела ежа, преспокойно перебиравшегося через осколки.

Вот чем закончилась история с ёжиком и стеклом от старинной бабушкиной лампы. Теперь лампа стоит без стекла. Нового-то не купишь, потому что таких ламп давно уже не делают — никому они теперь не нужны.

Конечно, бабушка тогда побранила внучку, но не очень — поняла, что Анка хотела ей сделать приятное. Но так всегда бывает, что хорошее оборачивается плохим, если не слушаешься старших. Ведь бабушка запрещала Анке трогать лампу!

А потом бабушка объяснила внучке про ёжика.

Ёжиками в старину называли щёточки из толстой щетинки за то, что они были жёсткими и колючими. А живыми ёжиками никто и никогда не чистил стёкла.

Живого ёжика пришлось вернуть соседскому Кольке. Ёж-то оказался его.

Учёная коза

Одно слово Алешке никак не даётся. А слово-то простое, а вот произнести его вслух не может.

— Повторяй за мной, Алешик,—учит Алешку тётя Ньюша.— Пожалуйста, возьми меня с собой!.

— ...возьми меня с собой!—повторяет Алешка.

— Пожалуйста,—учит тётя Ньюша.

Алёша упрётся глазами в землю и молчит. А тётя Ньюша огорчённо вздыхает и уезжает одна. В свой кишлак, где она учит ребятишек и где живёт ужасно умная коза со смешным именем Тереза. А Алешка очень хочет познакомиться с Терезой — тётя Ньюша так интересно о ней рассказывает. И нужно для этого сказать только слово, как раз то слово, с которым Алешка не в ладах...

Но однажды тётя Ньюша заплела Алешке косицы «баранчиком», надела на неё белое платьице с жёлтым пояском,— и Алешка стала похожа на ромашку...

Да, вы ведь еще не знаете, что Алешка девочка и что зовут её не Алешка, а Олюшка! Алешкой её ребята прозвали, и все из-за этого—«пожалуйста». Играет Алешка с детьми и просит: «Дай куклу!, Дай лопатку!, дай да дай...» Грубо получается. Дети не хотят ей ничего давать, так Алешка силой отнимает—будто она не девочка, а драчливый мальчишка.

Ну вот однажды тётя Ньюша обрядила Алешку ромашкой и повезла ее к себе в кишлак.

Приехали в кишлак, пришли к тёте Ньюше домой. Тётя Ньюша и говорит:

— Ты, Алешик, поиграй возле дома, а я приготовлю поесть.

— Хорошо,—ответила Алешка.

А тётя ещё добавила:

— Ты, Алешик, в сад не ходи. Там Тереза, она незнакомых не любит.

— Хорошо,—ответила опять Алешка.

Тётя Ньюша вошла в дом, а Алешка кинулась к садовой калитке. Захотелось хоть одним глазком посмотреть на Терезу. Какая она? Алешке коза представлялась большой, серьёзной и в очках, как мамина знакомая профессорша.

Чуть-чуть приоткрыла Алешка калитку. Так мало, что только пуговка носа поместилась в щелке, и еще один глаз. Но и одним глазом Алешка увидела—пусто в саду. Тогда она шире открыла калитку и посмотрела двумя глазами—пусто в саду. Алешка вошла в калитку и огляделась—пусто в саду. Где же Тереза? Алешка даже на небо посмотрела—и радостно воскликнула... Думаете, козу там увидела? Гранат! Боль-

шой, круглый, красный гранат, и над самой головой. Подпрыгнула Алешка, но только пальцами коснулась граната. Стала прыгать—и с места, и с разбега. Так увлеклась—про всё забыла. И вдруг...

Алешка почувствовала, что ноги несут её назад к калитке. Будто кто лбом упёрся ей в спину и толкает. Закричала Алешка со страху, ногами стала упираться, но кто-то настойчиво выталкивал её из сада.

На крик выбежала тётя Ньюша и укоризненно сказала Алешке:

— Что плачешь? Сама виновата. Тереза прогоняет незнакомых из сада... Я ж тебя предупреждала.

Алешка хотела что-то ответить тёте Ньюше, но так и осталась с открытым ртом от удивления.

А тётя Ньюша сказала козе:

— Пожалуйста, Тереза, поздоровайся с Алешкой.

Коза проворно подбежала к Алешке, села по-собачьи, протянула правую переднюю ногу и легонько ткнула копытцем в Алешкин живот. Алешка решила — дерётся коза, и пнула её ногой. Коза жалобно взблеяла, растянулась во весь рост на земле и тут же вскочила, встряхиваясь. Пыль от неё полетела во все стороны.

— Кто тебя научил обижать животных?— рассердилась тётя Ньюша и добавила:— Ты должна помириться с Терезой.

Алешке стало немножко стыдно. Она решила, что помириться с Терезой, и остаток дня спрашивала у тёти Ньюши, как это сделать. И тётя Ньюша ей все объяснила.

На следующее утро Алешка отправилась в сад искать Терезу, чтобы помириться с козой.

Терезу долго искать не пришлось. Она сама вышла навстречу. Алешка немного испугалась: что, если Тереза опять

вытолкает её из сада? Но Тереза прошла мимо, и Алешка осмелела. Она опять её догнала и крикнула:

— Давай мириться!

Коза тряхнула хвостиком, обошла Алешку и пошла дальше. Алешка опять её догнала и крикнула:

— Давай мириться!

Коза опять обошла Алешку. И так несколько раз. Рассердилась Алешка — какая упрямая коза! — догнала её и предельно дернула за бороду. Коза взблеяла, как вчера. И, как вчера, упёрлась ей лбом в спину и погнала из сада.

Села Алешка на крылечко и заплакала. На всех сразу обижается. На тётю Нюшу, что оставила её одну. На папу с мамой, что не едут за ней. На козу Терезу, что не захотела мириться. Целый час обижалась Алешка. Потом ей стало скучно, и она отправилась искать Терезу.

А Тереза стояла за калиткой. Может быть, она подсматривала за Алешкой — как она плакала?

Алешка сказала:

— Ну ладно, не хочешь мириться — танцуй!

Алешка запела и захлопала в ладоши. Коза не двигалась, встряхивала хвостиком — будто у неё одна забота, вытрясти как следует свой куцый хвост. Алешка топнула с досады:

— Танцуй! Танцуй, противная!

Коза не послушалась. Тогда Алешка, что есть силы, дернула эту противную чистюлю за её короткий хвостик. И тотчас Алешка оказалась за калиткой.

В это время пришла тётя Нюша. Алешка не выдержала и заревела:

— Хо-чу до-мой!

Когда Алешка успокоилась и всё рассказала тёте Нюше, тётя Нюша посоветовала:

— Ты, Алешик, до завтра не подходи к Терезе. Пусть она успокоится. А завтра я тебе покажу, как надо с ней разговаривать. Хорошо?

— Хорошо,—ответила Алешка.

На следующее утро, после завтрака, тётя Ньюша взяла Алешку за руку и повела в сад.

Тереза тоже кончала завтракать, она неторопливо дожёвывала последний капустный листок у кормушки возле сарайчика.

— Здравствуй, коза Тереза,—ласково сказала тётя Ньюша.

Коза подбежала к ней, села по-собачьи, стукнула копытцем по тётиной коленке.

— Ты поздравляешься с Алешкой, Тереза?

Коза встала на ноги, отвернувшись от Алешки и принялась выбивать от пыли хвостик.

— Тереза,— попросила тётя Ньюша,— пожалуйста, помирись с Алешкой.

Коза перестала выбивать хвостик. Но и не двигалась. Тогда тётя Ньюша повторила:

— Пожалуйста, помирись.

Тереза повернулась к Алешке и лизнула ей руку. А Алешка обхватила козу за шею и прижала к себе.

— Ме-е-е-е,— весело заблеяла коза.

— Ха-ха-ха-ха,— весело засмеялась девочка.

— Ну вот и помирились,— довольно сказала тётя Ньюша.— Станцуй нам, пожалуйста, Тереза!

Алешка и тётя Ньюша запели, захлопали в ладоши. Тереза поднялась на дыбки и закружилась на задних ногах. Да так проворно и искусно, что Алешка не выдержала и закружилась возле козы. Наверное, было очень забавно смотреть на них со стороны, потому что тётя Ньюша просто покатывалась от смеха. Под конец Алешка взяла Терезу за переднюю ногу, и они вместе кланялись публике, то есть тёте Ньюше.

А когда Тереза опустилась на все четыре ноги, Алешка опять обняла её за шею и что-то горячо-горячо зашептала в ухо. Что она там шептала, тётя Ньюша не слышала. А Тереза не могла рассказать, потому что даже учёные козы не умеют говорить. Но, наверное, Алешка произнесла, наконец, своё самое трудное слово—«пожалуйста»! И тётя Ньюша поцеловала её и сказала:

— Ну, пойдём, Олюшка, домой?

Вы помните — ведь её зовут не Алешка, а Олюшка. Алешкой её прозвали ребята за... Впрочем, вы ведь знаете за что?

В ЭТОЙ КНИЖКЕ:

Серый Вол	1
Рыжик и Пыжик	8
Серенькая скучает	16
Бурёнушка-музыкантша	23
Бельчик	30
Ежик	36
Учёная коза	42

Для младшего возраста

Г. Тамарина

РЫЖИК И ПЫЖИК

Рассказы

Редактор А. Бендер

Худож. редактор К. Назаров

Техн. редактор Т. Рахимов

Корректор Л. Фартушенко

Сдано в набор 13/I 1962 г. Подписано к печати 21/III-1962 г.
Формат 70×90/16. Печ. л. 3,0 Усл. печ. л. 3,51. Уч-изд. л. 2,2.
Тираж 30000. Договор 39—61. Цена 10 к. Издательство „Еш гвардия“,
Ташкент, Навои, 30.

Типография Объединенного издательства „Қизил Ўзбекистон“,
„Правда Ўстўка“ и „Ўзбекистони Сурх“. Ташкент, 1962.
Заказ № 172

